

Я ЧИТАЛА это письмо и плакала. Летчик писал из госпиталя и рассказывал о происшедшем с ним. Возвращаясь после выполнения боевого задания, он был подбит и, будучи уверен, что погибнет, хотел лишь одного: упасть на нашей территории. Почти механически он включил радио и услышал мое выступление. Услышал и... Словом, он довел машину буквально «на одном криле». Но писал, что изуродован и не покажется мне никогда...

Бывало (уже после войны), едва оправившись после болезни, я получала приглашение на гастроли с очень плотным графиком. Друзья говорили:

— Куда ты в такую поездку? Только что болела, отдохни хоть немного, ведь не девчонка... Побереги себя.

— А летчик?.. Я думала о нем, о его потрясшем меня письме и ехала в любой уголок нашей страны. Не могла иначе. Я не видела этого человека, но никогда не забуду его. Письмо этого неназванного воина я храню как одну из самых драгоценных реликвий войны... Письма военных лет — сколько их у меня!.. Никогда — ни до войны, ни после нее — я не получала такого количества писем!

Война началась для меня в столице Армении, где я была на гастролях с руководимым мною и Владимиром Филипповичем Коралли Ленинградским джаз-ансамблем. В полдень 22 июня мы шли на репетицию...

В тот же день мы телеграфировали в Ленинград: «Коллектив джаз-ансамбля полностью передает себя в распоряжение Ленинградского военного округа».

Конечно, многие песни из довоенного репертуара не годились для того, чтобы петь их на фронте. Остались лишь некоторые — «Мама», «Андрюша»... Появилась новая песня — «Птицы голубые». Автор ее Григорий Гридов ушел в народное ополчение и вскоре погиб, защищая свой родной Ростов.

Первый военный концерт... Мы приехали к летчикам, только что вернувшимся после выполнения боевого задания.

Я пела в военной форме. Один из летчиков после концерта попросил:

— Если можно, пойте, пожалуйста, в мирном платье.

— Почему?

— Чтоб было так же, как до войны.

С тех пор я на всех концертах военных лет выступала в «мирном» платье.

Где только не побывал наш автофургон, где и в каких условиях не приходилось выступать в грозную пору. Сколько песен я спела во время войны? В памяти остался далеко не полный список их: «Вечер на рейде» В. Соловьева-Седого и А. Чуркина, «Моя тень» («Опустилась ночь над Ленинградом») Б. Тимофеева, В. Крахта и А. Жерве, «Давай закурим» М. Табачникова и И. Френкеля, «Песня о Ленинграде» А. Лепина и П. Шубина, «Мы из Одессы моряки» Ю. Милотина и В. Гусева, «Морячка» Л. Бакалова и М. Исаковского, «...Руки» И. Жака и В. Лебедева-Кумача...

Разве все вспомнишь? Но одна песня стала не просто любимейшей в моем военном репертуаре, не только во всех концертах исполняемой — она стала сердцевинной всего, что я пела в те годы, стала моей болью и радостью, моей совестью. Песня стала... легендой.

Это — «Синий платочек».

Незамысловатый вальс, рожденный за полчаса в номере гостиницы «Москва» весной 1940 года Ежи Петербургским (композитор приехал в Советский Союз, когда гитлеровцы начали оккупацию Польши), — этот вальс на следующий день стал благодаря тексту поэта Я. Галицкого песней.

Но текст «мирной» песни годился для довоенного времени. И хотя я продолжала петь

ее летом сорок первого, все чаще и чаще мною овладевало чувство неудовлетворенности: не тот настрой... И вот лейтенант М. Максимов, воевавший в те годы в 54-й армии Волховского фронта, написал новый текст «Синего платочка». В тот же вечер я спела тот вариант. И началась для песни новая жизнь! Ни один концерт не проходил без «Синего платочка». Бывало, думаю: сегодня не буду петь, дам отдохнуть песне от меня, да и сама от нее отдохну. А костюмерша возьмет да и повесит синий платочек, который я возила с собой, на стул рядом... И я пела. Нельзя было не петь.

Не могу не рассказать об одном случае, происшедшем весной 1942 года. Выступали мы в одной из частей Волховского фронта 24 марта, в день моего рождения. Работая на легендарной трассе Дорога жизни,

«Синий платочек»... Или Владимир Филиппович называл какую-нибудь другую песню.

В том концерте, который передавался по радио в оккупированных районах, заводилась довоенная пластинка «О юге» — эту песню я вообще не пела в военных концертах. Слова же «истребителей ненавистных фашистских захватчиков» убрались из пленки, вот и получилось, что В. Ф. Коралли обращается... к фашистам.

В течение первого года войны я выступала в пятистах концертах. И после каждого из них — встречи с бойцами и командирами, волнующие, незабываемые. Помню, выступали мы в 4-м гвардейском истребительном авиаполку. Как всегда, после концерта нас окружили летчики. Мы передали им наказ ленинградцев — сбивать побольше фашистских самолетов. Со своей стороны,

вернем вам снимок. А вы нам — новый...

Несколько раз посылала я в ту часть свои фотографии.

Тяжелое было время. Никто не думал о себе. До конца, до полного изнеможения трудился тыл. Я вспоминаю, как однажды, во время выступления на оборонном заводе, я видела, что люди аплодируют, но... не слышала аплодисментов. И виной тому была не акустика: у людей просто не было сил аплодировать.

И где бы ни была наша фронтовая бригада, мы старались в своих выступлениях передать душу народную, неиссякаемую любовь к Родине, к ее непреодолимой красоте, стремление к добру и свету. И люди платили нам своей искренностью, их улыбки были нам наградой. О подобном духовном единстве может мечтать каждый артист!

ПО ПУТЯМ-ДОРОГАМ ФРОНТОВЫМ...

**Клавдия
ШУЛЬЖЕНКО,**

народная артистка СССР

концертируя по три-четыре раза в день, я так уставала, что и вовсе забыла о своем дне. И вот 24 марта вечером неожиданно пришел адъютант командующего армией и пригласил меня с товарищами в генеральскую землянку. Приходим. Землянка просторная, опрятная. Накрыт стол. Первый тост за Победу, второй — за новорожденную.

В. Ф. Коралли спросил у генерала:

— Как вы узнали о дне рождения Клавдии Шульженко?

Генерал, улынувшись, ответил:

— Моя разведка работает четко. — И вдруг с напускной строгостью спросил: — Что же это вы, друзья, одновременно обслуживаете нашу армию и фашистскую?

Мы опешили.

— Как... фашистскую?!

— Да, да, — продолжал генерал, рассмеявшись, — я однажды слушал по радио из оккупированных городов Пскова и Новгорода концерт вашего джаз-ансамбля.

А дело было вот в чем. В первые месяцы войны, когда мы вместе с нашими войсками отходили от Выборга к Ленинграду, культработники воинских частей часто записывали наши концерты на пленку. Видимо, одна из пленок попала в руки врага, и мы стали жертвами фальсификации. Советские люди, слушая на оккупированной территории пленку, естественно, негодовали. Концерт начинался словами В. Ф. Коралли: «Мы счастливы, друзья, что сегодня выступаем для вас...». И далее: «Для вас, истребителей ненавистных фашистских захватчиков, Клавдия Шульженко исполнит песню

обещали снова приехать, как только получим известие о сбитом стервятнике. В это время к нашей группе подошел комэск В. Ф. Голубев. Прислушавшись к нашему разговору, улыбнулся:

— Вы бы лучше остались у нас: ведь завтра вам, пожалуй, снова придется приехать. Договор есть договор.

И действительно нам пришлось выполнить обещание очень скоро: в тот же день В. Ф. Голубев и его товарищи сбили пять и подбили четыре фашистских самолета...

Я была несказанно обрадована и горда, когда недавно Герой Советского Союза, ныне генерал-лейтенант авиации Василий Федорович Голубев сказал:

— Песни Шульженко, как снаряды и патроны, были нужны нам в бою.

Вот написала о встрече с летчиками и вспомнила еще один эпизод тех лет. Однажды получаю от снайперов письмо с предложением: вы, мол, пришлите нам свою фотографию, мы заполним ее обратной стороной отметками о количестве уничтоженных фашистов и

Выступали мы однажды в только что освобожденном селе, в переполненном сарае. После концерта преподносят мне огромный из прозрачной бумаги пакет, в который обычно заворачивают цветы. Раскрываю его, внутри — еще один пакет, потом еще, еще один, этакая «матрешка» из пакетов. Когда же я развернула последний, в нем оказался... маленький букетик фиалок.

— За этим букетиком, — сказали связисты, — наши девушки ходили с ручным пулеметом...

Даже сейчас, спустя столько лет, я вспоминаю об этом, внутренне содрогаясь: кто-то мог погибнуть, собирая фиалки!

Мы жили трудной, напряженной жизнью, мерзли, голодали. Когда нас разместили в деревне Мостовой, мы три дня находились под строгим наблюдением врачей. Кормили нас небольшими дозами, так как у многих музыкантов были признаки дистрофии. Но мы работали. На все члены нашей бригады дожили до радостного дня Победы: двое погибли от истощения — коллеги, дру-

Синий платочек

Помню,
как в памятный вечер
Падал платочек твой
с плеч,
Как провожала
И обещала
Синий платочек
сберечь.

И пусть со мной
Нет сегодня
любимой, родной, —
Знаю, с любовью
Ты к изголовью
Причешь платок
дорогой.

Письма твои получая,
Слышу я голос живой,
И между строчек
Синий платочек
Снова встает
предо мной.

И часто в бой
Провождает меня
образ твой.
Чувствую рядом
Любящим взглядом,
Ты постоянно со мной.

Сколько заветных
платочков
Носим в шинелях
с собой,
Нежные речи,
Девичьи плечи
Помним в страде
боевой.

За них, родных,
Желанных, любимых
Строчит пулеметчик,
За синий платочек,
Что был на плечах
дорогих!

зья, дорогие сердцу моему люди. Ничего не поделаешь — «на войне как на войне»...

9 мая 1945 года мы выступали трижды: днем — в Выборгском Дворце культуры, затем — у входа в этот же ДК, на импровизированной эстраде, а вечером — снова в переполненном зале.

Война... Нет в нашем народе семьи, в которую не вошла бы она своим черным, смердящим дымом. Вот уж тридцать послевоенных весен прошло, а дым этот островками все еще продолжает стелиться в разных уголках земли.

Я пою сегодня много антивоенных песен. И буду петь их до тех пор, пока вообще могу петь...